

Н. В. Куценко

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИКИ КОСВЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НОСИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию восприятия носителями немецкого языка семантики одной из разновидностей косвенных речевых актов – косвенных побуждений, т.е. высказываний, в которых истинное намерение говорящего – побуждение собеседника к определенному действию – скрыто за языковыми формами, не типичными для выражения побудительности. В задачу этого этапа исследования входило сопоставление данных, полученных методом трансформационного анализа, с реальным восприятием носителями языка интенции говорящего, а также изучение языковых форм и ситуативных компонентов, позволяющих адресатам определить истинное намерение адресанта в семантически осложненных высказываниях.

В середине двадцатого века в языкознании возникла коммуникативная лингвистика – новое направление, объектом исследования которого стала роль человека в функционировании языка. Среди многих аспектов коммуникации исследователи обратили внимание и на косвенные речевые акты – речевые действия, реализуя которые говорящий «имеет в виду не то или не только то, что он высказывает, но и нечто иное» [1, с. 196]. Это становится возможным, поскольку в косвенных речевых актах на поверхностном уровне предстают не все компоненты семантической модели высказывания с планируемым воздействием на слушающего. Если часть этих компонентов выражена эксплицитно, то другая часть их скрыта, и выявление истинного смысла высказывания требует от слушающего привлечения дополнительных факторов. Таким образом, вывод истинного намерения говорящего осуществляется слушающим на основе разнородного комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических данных [1–3]. В связи с этим предметом исследования на данном этапе работы стало изучение восприятия носителями немецкого языка семантики одной из разновидностей косвенных речевых актов – косвенных побуждений, т.е. высказываний, в которых истинное намерение говорящего – побуждение собеседника к определенному действию – скрыто за языковыми формами, не типичными для выражения побудительности, например: *Ты не хочешь зайти ко мне? = Зайди ко мне!*

Экспериментальным материалом для проведения исследования послужили 1 127 контекстов, содержащих различные виды косвенных побуждений, выявленных на предыдущем этапе работы методом трансформационного анализа с применением перформативных глаголов, например: *Сходим в кино! = Предлагаю сходить вместе в кино!*

Основанием для включения косвенных побуждений в выборку являлась возможность трансформации таких высказываний в структуры с эксплицитной побудительностью, например:

„*Wollen wir zu mir nach Hause?*“ *fragte ich. Er nickte.* [DK, S. 400] (= *Gehen wir zu mir!* = *Ich schlage vor, zu mir zu gehen.*) ‘*Пойдем ко мне?*» – спросил я. Он кивнул.’ (= *Пойдем ко мне!* = *Я предлагаю тебе пойти ко мне.*)

В задачу этого этапа исследования входило сопоставление данных, полученных методом трансформационного анализа, с реальным восприятием носителями языка интенции говорящего, а также изучение языковых форм и ситуативных компонентов, позволяющих адресатам определить истинное намерение адресанта в семантически осложненных высказываниях. Для этого из общей выборки было отобрано 170 контекстов с различными видами косвенных побуждений (предложение, просьба, запрет, совет, требование, приглашение, угроза и т.п). Протокол содержал также позицию «прочие», куда информанты могли внести отсутствующие в списке интенции. Данные контексты были предложены информантам с просьбой определить в подчеркнутых предложениях оттенки побудительности.

В качестве информантов выступили 10 носителей немецкого языка, лица с высшим образованием, постоянно проживающие на территории Германии, в возрасте 30–40 лет. Им в письменной форме были предложены в случайном порядке экспериментальные мини-контексты – по 30 контекстов, содержащих косвенные речевые акты с семантикой предложения, просьбы, совета, требования и угрозы, т.е. с типичными значениями, выявленными при трансформационном анализе всей выборки. Косвенные запреты были представлены 20 контекстами, так как их общее количество в выборке было небольшим. Исходным предположением было то, что языковая форма косвенных речевых актов и контекст дают информантам достаточно оснований для тонкой дифференциации типов директивных речевых актов. Таким образом было получено 1 700 ответов носителей языка, позволивших соотнести результаты трансформационного анализа материала с реальным восприятием скрытых намерений говорящих. В данной статье представлены результаты восприятия информантами только одного оттенка косвенных побуждений – *предложения*, так как анализ показаний информантов свидетельствует о том, что данное коммуникативное намерение наиболее уверенно опознается носителями языка.

Сопоставление ответов информантов с примерами, в которых семантика предложения была выявлена методом трансформации, показывает, что почти 71 % данных высказываний уверенно идентифицированы информантами как речевой акт «предложение», и только в 29 % материала зафиксированы другие оттенки побуждения: просьба, побуждение к принятию решения (так называемый вопрос о распоряжении) или требование (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Опознание информантами экспериментальных высказываний

Значения, зафиксированные информантами	Количество ответов	Доля в выборке
Предложение	213	71 %
Просьба	76	25 %
Побуждение к принятию решения	7	2 %
Требование	4	2 %
Всего	300	100 %

В этом плане интерес представляет обращение к языковым формам, обеспечивающим носителям языка возможность выявления скрытой интенции. Так, рассмотрение случаев *однозначной* интерпретации информантами высказываний в качестве речевых актов «предложение» свидетельствует о том, что в 65 % случаев это относится к вопросительным конструкциям с модальным глаголом *wollen*, например: *Willst du eine Tasse Tee?* [AT, S. 339] ‘**Хочешь чашечку чая?**’ (= Я предлагаю тебе чашечку чая.).

Несмотря на то, что в семантике глагола *wollen* отсутствует прямая директивность, он активно используется в косвенных побудительных структурах, что обусловлено семантической многоплановостью данного глагола. Как показывает эмпирический материал, основное значение глагола – желание выполнить действие – при обращении коммуниканта к конкретному собеседнику и оформлении высказывания в виде вопроса успешно используется для выражения разных оттенков побудительности. Кроме того, данный модальный глагол содержит сему будущего, которая также является важной составной частью директивной модальности.

Необходимо отметить, что подобные структуры относятся к *конвенциональным* формам косвенных побуждений в немецком языке: это широко распространенная клишированная форма вежливого побуждения, не представляющая сложности для реципиента при интерпретации им намерения адресанта.

Конвенциональность вопросов с модальным глаголом *wollen* касается, однако, только вопросов, предлагающих напитки и еду: они традиционно оформляются в вопросительной форме. В других сферах жизни данные вопросы трактовались двояко: как предложения или как просьбы, например:

„*Willst du mit mir gehen?*“ *fragte sie und wartete auf die Antwort.* [DK, S. 341] ‘**«Ты хочешь пойти со мной?»** – спросила она, ожидая ответа.’ (= Я предлагаю тебе пойти со мной. = Я прошу тебя пойти со мной.).

Без указания на статус коммуникантов и более широкого контекста информанты не могли однозначно классифицировать такие высказывания.

К клишированным формам косвенных предложений можно отнести и формально сложноподчиненные структуры с оборотом *wie wäre es* (9 % рассматриваемых примеров), например:

Und wie wäre es dann, wenn du einfach Rita zu mir sagst? [VL, S. 340] ‘**А как насчет того, чтобы называть меня просто Ритой?**’ (= Я предлагаю тебе называть меня просто Ритой.).

Однозначная интерпретация информантами высказываний в качестве предложений наблюдалась также в вопросительных и повествовательных конструкциях, в которых этому способствовало лексическое наполнение высказывания, его пропозиция (24 % выборки), например:

Brauchst du Hilfe? [IM] ‘**Тебе нужна помощь?**’ (= Я предлагаю тебе помощь.).

В данном случае структура общего вопроса формулирует гипотезу, направляет когнитивный поиск партнера в определенное русло, а лекси-

ческое наполнение высказывания указывает на то, что за формальным интересом собеседника в форме вопроса стоит предложение адресанта оказать эту помощь.

Пропозиция высказывания существенно помогает реципиентам также при интерпретации *повествовательных* конструкций в качестве предложений, например:

Kommen Sie mit nach oben. Ich kann Ihnen dort Kaffee machen. [AT, S. 68] ‘Пойдемте со мной наверх. **Я могу там сделать Вам кофе.**’ (= Я предлагаю сделать Вам там кофе.).

Семантика модального глагола *können*, включенного в повествовательную или вопросительную структуру, эксплицирует возможность совершения действия, которая является важным компонентом семантической структуры косвенных побуждений. Форма 1л. ед. числа выводит на первый план автора высказывания, подчеркивает его личную инициативу и модифицирует тем самым модальный фокус высказывания, превращая его в осторожное предложение. Таким образом, модальный глагол *können* в сочетании с синтаксической структурой повествовательного высказывания позволял информантам не сомневаться в интерпретации данной структуры в качестве предложения.

В неконвенциональных формах косвенных предложений определение намерения говорящего вызывало у информантов некоторые сложности, и рассматриваемые высказывания нередко классифицировались ими как иные оттенки побуждения (см. табл. 1). Так, 1/4 информантов восприняли такие высказывания не как предложение, а как просьбу, что объяснимо большим сходством внутренней структуры данных речевых актов. Различие между предложением и просьбой заключается лишь в полезности действия для говорящего и слушающего: при предложении в выполнении действия заинтересованы обе стороны, в случае просьбы выгоду получает говорящий. Поэтому естественно, что информанты в соответствии со своим жизненным опытом и психологическим состоянием соотносили данные высказывания либо с косвенной просьбой, либо с косвенным предложением, так как степень иллокутивной силы в обоих случаях небольшая, а на первом плане стоит эпистемическая модальность – неуверенность, которая позволяет реципиентам по-разному трактовать данные высказывания. Это отчетливо видно в следующем примере:

Können wir nicht einfach wegfahren? [VL, S. 69] ‘Может, мы можем просто уехать?’ (= Я **предлагаю** уехать. = Я **прошу** тебя, чтобы мы уехали.).

В таких вопросах говорящий апеллирует прежде всего к возможности собеседника выполнить действие. Учитывая, что речь идет об обоюдной выгоде и близком характере отношений между коммуникантами, данное высказывание представляется возможным классифицировать как предложение, хотя вполне возможно в такой ситуации домысливание значительной заинтересованности говорящего в выполнении действия, что легко превращает его в просьбу, и 25 % информантов именно так и восприняли эту ситуацию.

Отдельные примеры (2 %) информанты отнесли к побуждениям принять решение, а не к предложениям (см. табл. 1), например:

1. *Dann sagte er: „Du siehst müde aus. Soll ich dir ein Taxi rufen?“* [DK, S. 54] ‘Потом он сказал: «Ты выглядишь усталой. **Вызвать такси?**»’ (= Я предлагаю вызвать такси.);

2. *„Soll ich Sie in die Stadt fahren, Herr Kommissar?“ fragte der Polizist vorne am Steuer. „Nein, fahre mich heim.“* [DK, S. 154] «**Отвезти Вас в город, комиссар?**» – спросил полицейский за рулем. «Нет, отвези меня домой!» (= Я предлагаю отвезти Вас в город.).

Данное решение информантов ожидаемо, так как все эти примеры содержат модальный глагол *sollen* – типичный индикатор вопроса о разрешении. В таких случаях говорящий, предлагая определенные действия, спрашивает слушателя о его согласии на свое предложение. Желание выполнить действие на пользу адресата, типичное для предложения, оказывается в таких структурах скрытым, поэтому некоторые информанты вообще не относили такие высказывания к побуждениям, в то время как другие считали их предложениями или выделяли в отдельную графу – побуждение к ответу. Семантика такого вопроса в самом деле сложная, поскольку эксплицитной частью его модального аспекта является только запрос коммуникативного партнера о согласии на предлагаемое действие, т.е. директивность заключается лишь в побуждении слушателя к ответу, к выбору одной из альтернатив: да или нет, а предложение скрыто в глубинной семантике высказывания.

В редких случаях (1 % примеров) информанты классифицировали косвенные предложения как требования. Данное явление наблюдалось в первую очередь при рассмотрении повествовательных конструкций, например:

Übermorgen oder einen Tag später. Es richtet sich nach dem Wetter. Wir wollen heute nicht daran denken [IM] ‘Послезавтра или еще через день. Все будет зависеть от погоды. **Мы не будем сегодня думать об этом.**’ (= Я предлагаю сегодня не думать об этом.).

Повествовательные конструкции в немецком языке придают в определенных ситуациях высказываниям характер категоричного требования, приказа. Вполне возможно поэтому, что отдельные информанты именно по этой причине и классифицировали данное высказывание как требование. Ситуация осложняется еще и тем, что в случае изменения порядка слов (*Wollen wir daran nicht denken!*) высказывание превращается в эксплицитную побудительную конструкцию – настоятельную рекомендацию или требование. В этом случае, как и в вопросительных конструкциях, значительную роль играют статусные отношения между коммуникантами. Поскольку статус собеседников из мини-контекста не ясен, некоторые информанты восприняли данное высказывание как категоричное побуждение.

Насколько важен характер отношений между коммуникантами для тонкой дифференциации намерений, видно на другом примере подобной структуры. Так, при непринужденном характере отношений между коммуни-

кантами, что отчетливо явствует из контекста, высказывание было классифицировано в 90 % случаев как предложение, несмотря на аналогичную повествовательную конструкцию:

Ich sagte zu meinem Mann: „**Am 27. Oktober gehen wir in die Oper.**“ *Mein Mann sagte: „Was gibt's denn da?“ Ich sagte: „Ah, weiß nicht.“ Was ich wusste: Ich würde das neue Kleid anziehen.* [VL, S. 56] ‘Я сказала своему мужу: «**27 октября мы идем в оперу**». Мой муж сказал: «Что там будет?» Я ответила: «Ах, не знаю». Главное я знала: я надену новое платье.»).

Этому решению явно способствовали сопутствующие фразы, придающие разговору шутливый тон. И только один из 10 информантов сориентировался на типичную синтаксическую структуру и связал данную конструкцию с требованием.

Контекст особенно важен при идентификации неполных, эллиптических конструкций. Так, в некоторых случаях даже минимального контекста оказывалось достаточно, чтобы информанты уверенно отнесли высказывание к косвенному предложению (10 случаев), например:

*Also, was können wir tun?“ In seinen Augen erschien wieder das Funkeln kommender Abenteuer. „**Zu Daniel gehen.** Das hätten wir schon vor Ewigkeit tun müssen.“* [VL, S. 134] ‘«Итак, что мы можем сделать?» В его глазах снова появился блеск от предвкушения предстоящего приключения. «**Пойти к Даниэлю.** Мы должны были сделать это уже сто лет тому назад.» (= Я предлагаю пойти к Даниэлю.)

Начальный вопрос (*Also, was können wir tun?*) – скрытое побуждение к внесению предложений, – а также пропозиция высказывания, в которой указывается на намерение что-либо сделать, дают основание информантам однозначно классифицировать и эллиптическую конструкцию *Zu Daniel gehen* как косвенное предложение, т.е. интенция говорящего вытекает из контекста. Двоякость коммуникативного намерения в таком высказывании подтверждается и тем, что 12 % информантов, классифицировав его как предложение, добавляли, что здесь явно прослеживается *предположение*. Это показывает, что модальность предположения охотно используется для того, чтобы скрыть прямую директивность, поскольку предположение позволяет осторожно воздействовать на волю собеседника при принятии им решения, ненавязчиво направить его внимание в определенное русло. Из материала очевидно, что информанты чаще всего фиксировали модальность предположения в общих вопросах без модальных глаголов – типичной структуре выражения неуверенности [4]:

„**Hast du Lust auf Schach?**“ „Nein“ [IM] «Хочешь сыграть в шахматы?» (= Я **предлагаю** сыграть в шахматы.) «Нет»’.

Анализ примеров дает основание отметить, что именно модальные глаголы, подчеркивающие возможность, желательность или необходимость совершения действия, значительно помогают слушателю выявить скрытую

семантику директивности в косвенном предложении. Без модальных глаголов информанты легко воспринимают такие высказывания только как предположения, в которых выражается интерес слушателя к намерению говорящего.

Модальность предположения нередко отмечалась и в вопросительных конструкциях с модальным глаголом *wollen* (26 %), хотя она задается в данном случае не глаголом, а вопросительной конструкцией, например:

Ich sage zum Beispiel: „Morgen schreibst du Mathe. Willst du, dass ich mit dir lerne?“ „*Nein, ich möchte zu Lukas.*“ [VL, S. 135] ‘Я говорю, например: «Завтра у тебя контрольная по математике. **Хочешь, я сделаю с тобой домашнее задание?**» (= Я предлагаю сделать вместе домашнее задание.) «Нет, я хочу к Лукасу».

Вопрос в данном мини-контексте, содержащий модальный глагол, выражает явное желание говорящего помочь, однако вопросительная конструкция смягчает иллокутивную силу директивности, поскольку принятие решения остается за слушающим, и он пользуется этим правом в данной ситуации. Таким образом, модальный глагол в совокупности с вопросительностью дает возможность говорящему апеллировать к желанию слушателя, предоставляя ему свободу выбора, в том числе и отказа.

В повествовательных конструкциях с модальным глаголом *können* информанты изредка (9 %) дополнительно подчеркивали наличие возможности совершения действия, ориентируясь прежде всего на семантику модального глагола, например:

Als ich ihr gestern erzählte, dass ich umziehen will, sagte Liliana sofort: „Wir könnten unser großes Auto nehmen.“ [VL, S.78] ‘Когда я вчера ей рассказала, что хочу переехать, Лилиана сразу сказала: «**Мы могли бы взять нашу большую машину**».’ (= Я предлагаю взять нашу большую машину.).

В данной ситуации на первом плане в повествовательной структуре находится возможность совершения действия. Сослагательное наклонение модального глагола подчеркивает вежливость говорящего, и в скрытом предложении, благодаря наличию модальности неуверенности, реципиенту дана возможность отказаться от предложения, что уменьшает давление на собеседника.

Обращение к способу *взаимодействия* разных модальных планов в подобных структурах – желательности, возможности и директивности – показывает, что директивность в таких примерах не нейтрализует полностью лексического значения глаголов. Так, в вопросах с модальным глаголом *wollen* более явно прослеживается значение побудительности, чем в конструкциях с глаголом *können*, при этом в вопросительных структурах с обоими модальными глаголами регулярно фиксируется оттенок предположения. В результате этого модальная структура данных директивных речевых актов становится многослойной, и часть совокупной модальной семантики выражается лексически – значением модального глагола, а вторая часть – синтаксически (вопросительной или повествовательной конструкцией).

Таким образом, анализ восприятия информантами семантики косвенных побуждений позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее уверенно носители языка *выделяют* среди всех оттенков директивности *косвенные предложения*, хотя некоторую трудность вызывает у них разграничение предложения и просьбы. Это происходит от того, что оба типа речевых актов, обладающие небольшой иллокутивной силой, имеют сходную семантическую структуру, и большую роль играет в них параметр вежливости.

2. Реальное восприятие косвенных побуждений носителями языка не совпадает полностью с теоретической трансформацией их в эксплицитные побуждения: опознаваемость косвенных предложений информантами немного превышает 2/3 материала, а 1/3 материала классифицируется ими как иные близкие по семантике намерения.

3. Модальная структура косвенных предложений является многослойной: в ней сложным образом взаимодействуют желательность, возможность, заинтересованность, неуверенность и директивность, что дает реципиенту значительную свободу интерпретации смысла таких высказываний.

4. Наиболее последовательно информанты фиксируют в качестве предложений *вопросительные* конструкции с *модальными глаголами wollen* и *können*, в которых значения желательности и возможности действия преобладают над семантикой неуверенности, заключенной в вопросительной структуре, в результате чего высказывание соотносится чаще с директивностью, нежели с эпистемической модальностью.

5. Смысловая неоднозначность косвенных предложений обусловлена тем, что лексическая семантика (значение конституэнтов пропозиции) и синтаксическая семантика (вопросительность с ее неуверенностью или утвердительность с ее категоричностью) действуют в косвенных речевых актах *разнонаправлено*, что осложняет реципиентам понимание смысла данных высказываний.

6. В процессе интерпретации косвенных предложений информантами большую роль играют отдельные параметры *ситуации*, прежде всего социальный статус коммуникантов: указания на статусные характеристики собеседников в осложненных высказываниях помогают реципиенту точнее определить степень настоятельности косвенных побуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 195–222.
2. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е. В. Падучевой. – С. 251–276.
3. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.

4. *Сытько, А. В.* Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке (на материале общих вопросов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

DK – *Remarque, E. M.* Drei Kameraden / E. M. Remarque. – М. : Verl. für fremdsprachige Lit., 1963. – 461 S.

AT – *Remarque, E. M.* Arc de Triomphe / E. M. Remarque. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. – 498 S.

VL – *Blobel, B.* Voll das Leben / B. Blobel. – München : Egmont Franz Schneider Verl. GmbH, 2004. – 294 S.

IM – *Irren ist männlich* / R: Sherry Hormann. B: Kit Hopkins. M: Peter Wolf. K: Gerard de Battista, 1998. – (Medientyp: Video) ca. 99 Min.

The article deals with the perception of the semantics of indirect sentences by native speakers. Its aim is the data correlation received in the result of transformation analysis with real perception of the speaker's intention. Speech patterns and situational characteristics which help listeners understand the speaker's intention are of great interest.

Поступила в редакцию 07.06.18

Aygun Vahid Mahmudova

INTERPRETATION OF THE WORD *WISDOM* ON THE BASIS OF DICTIONARIES AND ITS SYMBOLIC LANDSCAPE IN THE ENGLISH LANGUAGE

Статья посвящена символическим особенностям концепта «мудрость» на английском языке. В статье говорится о символических особенностях концепта символа, Бога, книги, глубины, логотипа, Соломона и других в языковой картине мира английского языка. Эти символические особенности отражают различные качества в структуре концепта «мудрость». Количество лексических единиц, которые являются концептами, ограничено. Это только те события, которые ценны, актуальны для культуры, а также имеют многочисленные языковые единицы для их идентификации, они – предмет пословиц и поговорок, прозаических и поэтических текстов. Таким образом, они носители культурной памяти народа.

The relevance of the research carried out around the association of symbolic peculiarities of the concept “wisdom” in English is determined by several factors. First, the words of the ancestors, percussive, frazeological units, legends, legends, epics and artistic works are the language materials that most clearly reflect the national-cultural awareness. Secondly, the concept of “wisdom” in English has not been studied by anyone in terms of comparative-cognitive, typological and structural aspects. Third, the structural-semantic differences in the concept of “wisdom” in English are typological.